

Сергей Сергеевич ПЯТКОВ¹

УДК 82.14

**ПОЭТИКА Е. Л. МИЛЬКЕЕВА В КОНТЕКСТЕ ОПЫТОВ
ПЕРЕВОДА «EIN FICHTENBAUM STEHT EINSAM»
Г. ГЕЙНЕ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ (Ф. И. ТЮТЧЕВЫМ,
М. Ю. ЛЕРМОНТОВЫМ)***

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
sergey-spirit72@yandex.ru

Аннотация

Специфика национального литературного процесса 1820-х — начала 1840-х гг. по сей день остается проблемным полем в отечественной филологической науке, требует аккумуляции опыта конкретных исследований с привлечением регионального материала. Е. Л. Милькеев (1815-1845), поэт поколения П. П. Ершова из Сибири, осуществляет перевод текста Генриха Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam», встраиваясь тем самым в традицию его художественной рецепции в русской литературе, этапными и образно-тематически полярными в которой являются версии «С чужой стороны» Ф. И. Тютчева и «На севере диком...» М. Ю. Лермонтова. Цель представленного исследования — путем сочетания элементов системно-целостного, структурно-семиотического и культурологического подходов к анализу литературных явлений определить специфические черты поэтики Е. Л. Милькеева в ее соотношении с художественными интенциями ведущих поэтов отечественной литературы 1830-1840-х гг. Обнаруживается, что мифологическое сознание Е. Л. Милькеева фиксирует в переводе текста Генриха Гейне библейско-христианскую образность. Риторико-дидактическая направленность стихотворения, его

* Исследование осуществлено в рамках проекта РФФИ — 2019 «Модернизационный вызов в литературе Сибири» (№ 19-012-00503).

Цитирования: Пятков С. С. Поэтика Е. Л. Милькеева в контексте опытов перевода «Ein Fichtenbaum steht einsam» Г. Гейне его современниками (Ф. И. Тютчевым, М. Ю. Лермонтовым) / С. С. Пятков // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Том 5. № 2. С. 75-87.
DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-75-87

сложноорганизованное художественное пространство осуществляют выход символических потенциалов немецкого подлинника в надындивидуальную трансцендентную сферу. Это коррелирует с поэтическими установками Ф. И. Тютчева и философской романтической школы. Однако иные художественно-эстетические задачи не превращают перевод Е. Л. Милькеева в символ-знак, что было свойственно «иносказательным пейзажам» М. Ю. Лермонтова. В работе впервые развернуто осуществлен сопоставительный анализ поэтик Е. Л. Милькеева, Ф. И. Тютчева и М. Ю. Лермонтова как представителей единого историко-литературного поля через сферу переводческой практики.

Ключевые слова

Рецепция, перевод, немецко-русские литературные связи, сибирская поэзия, Е. Л. Милькеев, поэтика, библейско-христианская образность.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-75-87

Введение

Существование национального литературного процесса конца 1820-х — начала 1840-х гг. до сих пор является неясным и не до конца сформулированным в отечественной филологии. Характеризуемый стагнацией в развитии стиха, переходом к этапу интенсивного развития и доминирования прозы, этот период тем не менее включает в себя текстовые «сложные образования» М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, ушедшие, согласно известному замечанию, «„мимо“ Пушкина — не вперед и не назад, а вкось» [17, с. 191].

Новый виток романтизма 1820-1830-х гг., ориентированный на немецкую философию, декларирует иные художественные принципы и эстетические стандарты, идущие вразрез с устоявшейся конструкцией «пушкинского мейнстрима» (А. И. Журавлева): рефлексия становится важнейшей частью интеллектуальной и духовной жизни личности, а поэзия, будучи, как и философия, «высочайшим проявлением человечества» (Ф. Шлегель), мыслится ее единственным органичным передатчиком. К началу 1840-х гг. художественно-эстетическая парадигма «поэзии мысли» демократизируется, усваивается представителями школы массового романтизма во главе с В. Г. Бенедиктовым. Развивающиеся на этом фоне поэтики Ф. И. Тютчева и М. Ю. Лермонтова, о специфике которых в науке уже сформировано представление, соседствуют с художественными системами творцов не первого ряда — например, Е. Л. Милькеева, поэта поколения П. П. Ершова из Сибири, чье творчество только начинает подвергаться аналитической рефлексии.

Существование Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова и Е. Л. Милькеева в едином литературном контексте и их интерес к рецепции и адаптации стихотворения «Ein Fichtenbaum steht einsam» Генриха Гейне дает возможность рассмотреть индивидуальную образность художника из Сибири в соотношении с художественными интенциями ключевых творческих субъектов отечественной поэзии 1830-1840-х гг., которые зачастую приобретали парадигмальный характер.

Опыты немецкого поэта Генриха Гейне имеют для русской литературной культуры особое значение. В статье «Генрих Гейне и мы» (1906) И. Ф. Анненский отмечал, что «если есть — не решаюсь сказать народ, но общество — интеллигенция, — которой Гейне, действительно, близок по духу и у которой нет, да и не может быть с ним никаких политических счетов, — так это, кажется, только мы, русские» [1, с. 198]. Сборник стихотворений немецкого поэта под названием «Buch der Lieder» («Книга песен») (1827) имел большую популярность у отечественных читателей и критиков, увидевших в Гейне «поэта с огромным дарованием... истинного немца-художника, которого лирические стихотворения отличаются непередаваемою простотою содержания и прелестью художественной формы» [2, с. 504].

Основная часть

Впервые на русском языке произведения Гейне появляются благодаря Ф. И. Тютчеву: в журнале «Северная лира» за 1827 г. публикуется перевод стихотворения «Ein Fichtenbaum steht einsam», который получил заглавие «С чужой стороны»¹. Впоследствии этот текст немецкого поэта будет часто становиться объектом переводческой практики отечественных литераторов.

Наиболее известный вариант адаптации и рецепции текста Г. Гейне в русской поэзии принадлежит М. Ю. Лермонтову («На севере диком стоит одиноко...», опубликован в 1842 г.). Однако важно обратить внимание на еще один хронологически синхронный перевод «Ein Fichtenbaum steht einsam». Это забытое и не введенное в аналитическую филологическую практику стихотворение Е. Л. Милькеева «Из Гейне», написанное в 1839 г. и напечатанное в единственном прижизненном издании текстов поэта (1843 г.).

Рассмотрим сначала произведения Ф. И. Тютчева и М. Ю. Лермонтова как два главных образно-тематических полюса рецепции немецкого текста в отечественной литературе, а после попытаемся определить место перевода «Из Гейне» Е. Л. Милькеева в этом диапазоне.

Филологическая рефлексия первоисточника фиксирует в качестве базовых несколько моментов. Иносказательность текста Гейне является конститутивным элементом его поэтики: «... Стихотворение... по форме целиком посвящено миру природы и раскрывает свой конечный смысл лишь в аспекте сквозной персонификации, то есть в результате снятия первого, предметного, плана» [16, с. 112]. Кроме того, иносказательность определяет жанровую генетику текста. Она же включает в себя: а) народную песню (символ не является тропом, его генезис связан с параллелизмом — отсюда связь с фольклором, в котором часто разлученные влюбленные олицетворялись с деревьями), б) элементы элегического (наличие сумрачного пейзажа, тоски, одиночества, невозможности осуществления желаемого) и в) балладного дискурса (четкое противопоставление двух про-

¹ В «Северной лире» публикуется первая редакция, затем в 1854 г. в журнале «Современник» — вторая.

странств, реального и мистического, и сон, выполняющий функцию лиминальной ситуации между ними). Именно в силу искусно организованной символической красноречивости, фиксирующей «смысл отношений между обоими героями как бы в виде алгебраической формулы» [16, с. 111], текст Гейне в русской культурной рецепции превратился в символ-знак внутреннего состояния человека.

Обратимся к стихотворению «С чужой стороны» Ф. И. Тютчева. Ритмико-метрическая адаптация тонической природы немецкого оригинала является специфическим качеством тютчевского текста, который, как полагает Ю. Н. Тынянов, написан «необычным для тогдашнего русского стихосложения метром» — «видом паузника на основе канонического четырехстопного + трехстопный амфибрахий» [18, с. 36]. Это обозначает и другой авторитетный стиховед, А. А. Илюшин. Он отмечает, что «в первом же опыте перевода стихов немецкого поэта на русский язык фигуры дольника были использованы» [7, с. 101-102]. В данном контексте важно обратить внимание на то, что в обеих редакциях Ф. И. Тютчев транспонирует тонику в силлабо-тонический амфибрахий и конструирует текст именно на его основе. При этом он допускает минимальные отклонения от общей структуры этого размера. Например, во второй редакции поэт осуществляет дактилическую замену во втором стихе, создавая подвижность анакрузы, а в третьем стихе использует стяжение второго междуударного интервала. Таким образом, поэт имитирует ритм дольника, создавая его «аналог» (Ю. Н. Тынянов), но оставаясь в пределах силлабо-тоники, что соответствует общим тенденциям в метрических поисках эпохи 1820-1840-х гг. [3, с. 139-140].

Структура и потенции художественного измерения немецкого первоисточника абсолютно имманентны Ф. И. Тютчеву. В переводе он реализует инвариантную структуру сюжета своих лирических текстов, сформированную его мифологическим мироощущением в качестве основы для объяснения окружающего мира. Она заключается в изображении двух антитетичных начал, универсумов, соединяемых с помощью мотивов сна или очарования [9]. Экспрессивность лексического строя («на севере мрачном», «на дикой скале», «под пламенным небом», «на знойном холму»), синтаксическая структура ориентируют текст на характерную для Ф. И. Тютчева ораторскую интонацию и приемы одического жанрового инструментария в границах сжатой стиховой массы. Это сообщает переводу философский подтекст. В то же время стихотворение сохраняет в себе специфические признаки элегии и баллады, наличествующие в исходном тексте.

Заметим, что конститутивной частью образного слоя стихотворения является то важнейшее свойство поэзии Ф. И. Тютчева, которое было сформулировано и отрефлектировано только в конце XIX в.: поэт исходил «из глубокого и сознательного убеждения в действительной, а не воображаемой только одушевленности природы» [15, с. 471], «ощущаемую им живую красоту понимал и принимал не как свою фантазию, а как *истину*» [15, с. 471]. Природа существует в своем мире, она сознательна и одухотворена, и поэт, согласно своим натурфилософским воззрениям, запечатлевает ее в ситуации поляризации,

дихотомизации, осуществляет «созерцательно-интуитивное вчувствование» (Е. К. Созина) в нее, проецируя на человеческие взаимоотношения. Поэтому, вероятно, то, что использовалось у Гейне в качестве олицетворения, у переводчика истолковывается как реальность.

Примечательно, что слово *Fichtenbaum* («в самой Германии слово *Fichte* во многих местностях употребляется в смысле „сосна“, и, по всей вероятности, Гейне под *Fichtenbaum* понимал именно „сосну“») [20, с. 98], которая в немецком языке, как известно, грамматически принадлежит к мужскому роду) переводится Ф. И. Тютчевым как «кедр» [12, с. 61]. Такое решение не только аутентично исходному тексту — «кедр» является доминантой всего стихотворения, потому что упоминание о нем зафиксировано во второй стихотворной строке, на которой расположено метрическое ударение. Лексема «кедр» добавляет стихотворению дополнительный смысловой вектор, связанный с библейской образностью: полисемантический символ кедра наличествует в псалме 91, где упомянут рядом с пальмой («Праведник растет, как пальма, возвышается, подобно кедру на Ливане» [Пс. 91:13]). Следовательно, «поскольку праведник цветет, как пальма, и он же возвышается, подобно ливанскому кедру, то и стихотворение в переводе Тютчева может быть воспринято не как конфликт двоих, а как разлад в душе одной личности, мятущейся между противоположностями» [12, с. 61].

Лермонтовские интерпретации стихотворений немецкого поэта являются хрестоматийными, именно благодаря им, по мнению специалистов, «Гейне начал выходить на магистраль русской литературы» [4, с. 82]. Первая редакция «На севере диком...» создана, как указывает Е. Г. Эткинд, в начале 1841 г., окончательная редакция публикуется в «Отечественных записках» в 1842 г. [22, с. 26].

Первый вариант перевода отличается стилистической и ритмико-синтаксической близостью к оригиналу, но во втором М. Ю. Лермонтов меняет ритмическую основу своего текста. Трехстопный амфибрахий меняется на чередование четырех- и трехстопного амфибрахия, автор производит стилистические правки, изменяет и обогащает лексический состав оригинала. В результате стихотворение становится «романсным, возвышенным, звучным, урегулированно-симметричным» [22, с. 29] и поднимается на иной уровень онтологического измерения, выше очевидной и не исчерпывающей иносказательной природы произведения любовной коллизии. Отказываясь от фиксации грамматических различий мужского и женского в своем переводе, поэт создает стихотворение об «одиночестве человека, оторванного от другого человека» [10, с. 820], его фонетическая природа иллюстрирует «два разных мира (севера и юга) и образы двух разных героев (сосны и пальмы) и вместе с тем подчеркивает их глубокое единство» [10, с. 820].

Особым в контексте рассмотрения специфики лермонтовского перевода становится разговор о балладном начале в нем. Несмотря на то, что, «как и всякое поэтическое качество, оно может быть до ошеломления явственно ощущаемо, но мучительно трудно уловимо», поддаваясь анализу «только в каких-то частных проявлениях» [6, с. 137], его наличие в тексте не вызывает сомнения у специалистов. М. Ю. Лермонтов, помимо пространственно-временной и со-

бытийной организации, фиксирует именно драматизм балладного жанра, закреплённый в мотивных комплексах [6, с. 137]. Кроме этого, остается открытым вопрос о лирическом «Я» в стихотворении «На севере диком...»: оно не является прямо выраженным, но все же, как полагают ученые, проекция в него «отчетливо уловима» [5, с. 329]. И. Е. Усок называет это стихотворение «поэтически усложненной формой субъективной лирики» [19, с. 217], накал персонально-субъективного начала в нем таков, что «надо сделать усилие, чтобы вспомнить: в этих стихах отсутствует лирическое „Я“» [6, с. 137]. По мнению С. И. Ермоленко, весь текст превращается в «метафорически образную форму самовыражения лермонтовского „внутреннего человека“» [5, с. 329]. Таким образом, «На севере диком...» и ряд других текстов М. Ю. Лермонтова, именуемых Б. М. Эйхенбаумом «иносказательными пейзажами», становятся все более и более «обобщенными», «не утрачивая при этом художественной конкретности» [5, с. 329], и совершают значительный шаг на пути вырастания в символ.

Зафиксируем: в рассмотренных стихотворениях нашли реализацию два типа созерцательности — созерцательность интуитивно-мифологическая (Ф. И. Тютчев) и аналитическая (М. Ю. Лермонтов). Аналитическая созерцательность характеризуется стремлением видеть «жизнь в ее предметности, угадывать за предметами некие символические смыслы и структуры, проникать в тайны бытийных универсалий» [8, с. 10]. Интуитивно-мифологическая же является особым качеством «мироощущения поэта, сознанию которого все сущее открывается разом, в своем вечном „есть“ или „быть“» [14, с. 74], она в целом была присуща представителям школы поэзии Любомудров (философского романтизма).

С учетом рассмотренного выше материала обратимся к тексту Е. Л. Милькеева. Сибирский поэт, оказавшись в Москве под покровительством С. П. Шевырева и А. С. Хомякова, приступает к изучению немецкого языка — так, например, в письме П. А. Плетнёву от 7 сентября 1840 г. он отправляет «сделанный... во время немецких уроков перевод из Гете пьесы под заглавием *Wiederfinder*» [11, с. 198]. Перевод «Из Гейне», вероятно, является одним из результатов его занятий. Приведем милькеевскую версию полностью [11, с. 130]:

Из Гейне

- ¹ Завешен снегом, кедр высокой
- ² На темном севере стоит,
- ³ И клонит сон его глубокой,
- ⁴ И в тяжком он покое спит.
- ⁵ И снится кедру пальма: снится,
- ⁶ Как безотрадно там, вдали,
- ⁷ На юге пламенном томится
- ⁸ Она, страдалница земли.

<1839>

Стихотворение исполнено классическим (и типичным для лирических текстов Е. Л. Милькеева) четырехстопным ямбом. Судя по всему, поэт не ставил перед собой задачу передать интонационную и ритмическую специфику подлинника, сосредоточившись на его образно-тематической рецепции.

«Из Гейне» Е. Л. Милькеева состоит из двух условных частей, разделенных строфным пробелом, в каждой из которых представлено определенное художественное измерение, и в данном контексте обращает на себя внимание отсутствие детализации, имеющей место в переводах Ф. И. Тютчева и М. Ю. Лермонтова (например, «на дикой скале», «в инистой мгле», «под пламенным небом», «на знойном холму», «на утесе горячем», «одета, как ризой» и т. д.).

В первой условной части север и кедр описаны, в отличие от других поэтических рецепций немецкого оригинала, скупое: поэт ограничивается только эпитетами «темный» (применительно к северу) и «высокой» (применительно к кедру), однако конкретизируется и акцентируется состояние кедр, который находится в глубоком сне, «в тяжком покое». При этом организация первой строфы в виде цельного предложения, параллельные синтаксические конструкции «и..., и...» и повтор слова «снится», относящегося к кедру, в начале следующей строфы динамизируют словесную массу текста, фиксируют некую континуальную текучесть состояния как изображаемого объекта, так и окружающего пространства. В результате у читателя может возникнуть амбивалентное ощущение от представленного в тексте: с одной стороны, ощущается бесконечность севера, в центре которого находится кедр, с другой — как бы всеобъемлемость и нестатичность самого кедр, заполняющего собой весь север. Кедр как бы надвинут автором на читателя, и это при сохранении всей его вертикали («высокой») и заполненности всей белой горизонтали («завешен снегом») на темном («на темном севере»). Здесь очевидна семантика белого в качестве знака чистоты, идущей от связи вертикали с божественным, на контрасте с окружающей, но как бы неопредмеченной тьмой — она знак границ и дьявольского холода.

Во второй условной части изображение юга и пальмы продолжает демонстрировать уже отмеченную выше логику. В центре беспредельного юга находится пальма, на состоянии которой субъект сосредоточивает особое внимание: пальма, будучи «страдалицей земли», «безотрадно томится» на «пламенном юге». Любопытна разница в описании пальмы у разных поэтов: если у Ф. И. Тютчева «юная пальма» «стоит и цветет» «одиоко», а у М. Ю. Лермонтова «одна и грустна» «прекрасная пальма растет», то у Е. Л. Милькеева вообще отсутствует позитивная коннотация в ее изображении. Она не «растет» и не «цветет» — субъект фиксирует только ее наличие и страдания, которые она испытывает. Примечательно и то, что сибирский автор не подчеркивает одиночество кедр и пальмы, как это сделано у других переводчиков. Более того, объекты пребывают в разных состояниях: кедр «спит в тяжком покое», а пальма «безотрадно томится», т. е. основания для сближения в художественном пространстве севера с кедром и юга с пальмой Е. Л. Милькеевым мыс-

лятся иные, нежели условные одиночество и тоска в оригинале Гейне и у его переводчиков.

На наш взгляд, в стихотворении Е. Л. Милькеев актуализирует характерную для своей поэзии библейскую и христианскую семантику. Так, образ пальмы коррелирует с образом Богородицы, и это особенно четко зафиксировано в номинации «*страдалица земли*». Пространство, в котором она пребывает, — это ад («*пламенный юг*», не «*земля*»), куда она, согласно популярному в православной среде апокрифу «*Хождение Богородицы по мукам*», спустилась с архангелами и, увидев мучения грешников, обратилась к Богу с мольбой об облегчении их участи: «*„Куда хочешь теперь, благодатная, на юг или на север?“* И ответила благодатная: *„Пойдем к югу“*. Тогда повернулись херувимы и серафимы и четыреста ангелов, привели богородицу на южную сторону, где протекала огненная река, там было множество мужей и жен, все погружены в реку...» [21].

Если юг — это ад, то север в тексте поэта может быть идентифицирован как пространство с противоположной семантикой — это приют божественного начала, небесная обитель: «север стал библейским местом расположения вечной Божьей святой горы, известной под разными названиями (гора Цафон, „север“; гора Сион)» [13, с. 1050], «с севера грядет блеск золотой; Бог приближается в страшном великолепии» [Иов 37:22].

Фиксируя номинацию «кедр», Е. Л. Милькеев сохраняет, как и Ф. И. Тютчев, грамматическую дифференциацию родов в переводе и добавляет к нему библейскую семантику (кедр как «праведник»), уже упоминаемую нами выше, а эпитет «высокий» (ср., например, «Всевышний», которым в Библии именовали Бога) подчеркивает духовную, трансцендентную высоту, сопричастность божественному откровению. Праведнику (истинно верующему, тому, кому открыта сфера сакрального) как напоминание о существе и цели его жизни снится Богородица (являющаяся символом непорочности, любви, терпения и смирения), спустившаяся по собственной воле в ад и испытывающая страшные муки, молясь за других.

Заключение

Таким образом, в тексте Е. Л. Милькеева связываются друг с другом несколько полюсов — трансцендентные низ/верх и земля, бытие, становясь, по существу, одним миром, в центре которого находится Бог. На наш взгляд, можно говорить о риторико-дидактической тональности текста сибирского поэта, призванной напомнить христианам об их долге, тогда как в оригинале и переводах других поэтов она не прослеживается.

Заметим, что составляющие элегического дискурса, присущие переводам Ф. И. Тютчева и М. Ю. Лермонтова, отсутствуют в тексте сибирского поэта, пейзаж нивелируется до пространственно-номинативных обозначений. Однако балладная составляющая, предполагающая существование двух параллельных миров, в нем усложняется до отмеченного выше пересечения нескольких универсумов, связанных одним началом.

Мифологическое сознание сибирского художника осуществляет выход символических потенций текста Гейне в сферу надындивидуального и горнего, что коррелирует с установками русской поэзии 1830-1840-х гг. и поэтикой Ф. И. Тютчева. В то же время ему не удастся превратить текст в символ-знак, как это сделал М.Ю. Лермонтов со своими «иносказательными пейзажами».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненский И. Ф. Генрих Гейне и мы / И. Ф. Анненский // Книги отражений. М., 1979. С. 397-404.
2. Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 13 томах / В. Г. Белинский. М.: Академия наук СССР. 1953. Том 2. 767 с.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. СПб.: Пальмира, 2018. 351 с.
4. Гордон Я. И. Гейне в России (1830-1860-е годы) / Я. И. Гордон. Душанбе: ИРФОН, 1973. 272 с.
5. Ермоленко С. И. Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы / С. И. Ермоленко. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного педагогического университета, 1996. 420 с.
6. Журавлева А. И. Лермонтов в русской поэзии. Проблемы поэтики / А. И. Журавлева. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 288 с.
7. Илюшин А. А. Традиция Гейне в истории русского стиха / А. А. Илюшин // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1987. С. 96-109.
8. Комаров С. А. Филологический анализ стихотворного текста / С. А. Комаров, А. И. Осипов. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2018. 129 с.
9. Левин Ю. И. Инвариантный сюжет лирики Тютчева / Ю. И. Левин // Тютчевский сборник: статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева. Таллин, 1990. С. 142-206.
10. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.
11. Милькеев Е. Л. Стихотворения. Поэмы. Письма / Е. Л. Милькеев. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2010. 265 с.
12. Пронин В. А. Поэзия Генриха Гейне: генезис и рецепция / В. А. Пронин. М.: Наука, 2011. 242 с.
13. Райкен Л. Словарь библейских образов / Л. Райкен, Д. Уилхойт, Т. Лонгман. СПб.: Библия для всех, 2005. 1423 с.
14. Созина Е. К. Дискурс сознания в поэтическом мире Тютчева / Е. К. Созина // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. С. 54-148.
15. Соловьев В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева / В. С. Соловьев // Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 465-483.
16. Сильман Т. И. Заметки о лирике / Т. И. Сильман. Л.: Советский писатель, 1977. 223 с.

17. Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев / Ю. Н. Тынянов // Пушкин и его современники / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1968. С. 166-191.
18. Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / отв. ред. В. А. Каверин, А. С. Мясников. М.: Наука, 1977. С. 29-37.
19. Усок И. Е. Герой лирики Лермонтова (1836-1841 гг.) / И. Е. Усок // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения, 1814-1964. М.: Наука, 1964. С. 202-235.
20. Щерба Л. В. Попыты лингвистического толкования стихотворений. П. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебное педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. С. 97-109.
21. Хожение Богородицы по мукам. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4930> (дата обращения: 05.05.2019).
22. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод / Е. Г. Эткинд. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 431 с.

Sergey S. PYATKOV¹

UDC 82.14

**E. MILKEYEV'S POETICS IN THE CONTEXT
OF EXPERIENCE OF TRANSLATION
OF HEINE'S "EIN FICHTENBAUM STEHT EINSAM"
BY HIS CONTEMPORARIES (F. TYUTCHEV, M. LERMONTOV)***

¹ Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
sergey-spirit72@yandex.ru

Abstract

The specifics of the national literary process of the 1820s — early 1840s remains a problematic field in the national philological science, which requires the accumulation of experience in specific studies involving regional material. E. Milkeyev (1815-1845), the poet of the generation of P. Yershov from Siberia, translates the text of Heinrich Heine's "Ein Fichtenbaum steht einsam", thereby integrating into the tradition of his artistic reception in Russian literature, in which the versions "From another side" of F. Tyutchev and "In the wild North..." of M. Lermontov are most important and polar (figuratively and thematically). The purpose of the presented research is to use the combination of elements of a system-holistic, structural-semiotic and culturological approach to the analysis of literary phenomena to determine the specific features of the poetics of E. Milkeyev in its relationship with the artistic intentions of the leading poets of Russian literature of the 1830s-1840s. It turns out that the mythological consciousness of E. Milkeyev records the biblical-Christian imagery in the translation of Heinrich Heine's text. The rhetorical and didactic orientation of the poem, its complexly organized literary space accomplish the exit of the symbolic potential of the German original

* This research was supported by RFBR — 2019 (project "The modernization challenge in Siberian literature" (No 19-012-00503).

Citation: Pyatkov S. S. 2019. "E. Milkeyev's poetics in the context of experience of translation of Heine's "Ein Fichtenbaum steht einsam" by his contemporaries (F. Tyutchev, M. Lermontov)". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 2, pp. 75-87. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-75-87

into a supra-individual transcendental sphere. This correlates with the poetic orientation of F. Tyutchev and philosophical romantic school. However, other artistic and aesthetic tasks do not make the translation of E. Milkeyev the symbol-sign, which was characteristic of “allegorical landscapes” by M. Yu. Lermontov. The article presents for the first time a comparative analysis of the poetics of E. Milkeyev, F. Tyutchev, and M. Lermontov as representatives of a single historical and literary field through the sphere of translation.

Keywords

Reception, translation, German-Russian literary connections, Siberian poetry, E. L. Milkeyev, poetics, biblical Christian imagery.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-75-87

REFERENCES

1. Annenskiy I. F. 1979. “Henrich Heine and us”. In: Books of Reflections, pp. 397-404. Moscow. [In Russian]
2. Belinskiy V. G. 1953. Collected Works: in 13 vols, vol. 2. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union. [In Russian]
3. Gasparov M. L. 2018. Essay on the History of Russian Verse. Metric. Rhythm. Rhyme. Stanzas. Saint-Petersburg: Palmira. [In Russian]
4. Gordon Ya. I. 1973. Heine in Russia (1830 – 1860). Dushanbe: IRFON. [In Russian]
5. Ermolenko S. I. 1996. Lyrics of M. Yu. Lermontov: Genre Processes. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. [In Russian]
6. Zhuravleva A. I. 2002. Lermontov in Russian Poetry. Problems of Poetics. Moscow: Progress-Traditsiya. [In Russian]
7. Ilyushin A. A. 1987. “The tradition of Heine in the history of Russian verse”. In: From the History of Russian-German Literary Relationship, pp. 96-109. Moscow: Moscow State University. [In Russian]
8. Komarov S. A., Osipov A. I. 2018. Philological analysis of the poetic text. Tyumen: University of Tyumen. [In Russian]
9. Levin Yu. I. 1990. “Invariant plot of Tyutchev’s lyrics”. In: Tyutchev’s Collection: Articles about the Life and Work of F. I. Tyutchev, pp. 142-206. Tallin. [In Russian]
10. Lotman Yu. M. 1996. About Poets and Poetry. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPb. [In Russian]
11. Milkeyev E. L. 2010. Poetry. Narrative Poetry. Letters. Tobolsk: Obshchestvennyy blagotvoritelnyy fond “Vozrozhdeniye Tobolska”. [In Russian]
12. Pronin V. A. 2011. Heinrich Heine’s Poetry: Genesis and Reception. Moscow: Nauka. [In Russian]
13. Ryken L., Wilhoit D., Longman T. 2005. Dictionary of Biblical Imagery. Saint-Petersburg: Bibliya dlya vsekh. [In Russian]
14. Sozina E. K. 2001. “Discourse of consciousness in the poetic world of Tyutchev”. In: The Evolution of Forms of Literary Consciousness in Russian Literature (Experiments of Phenomenological Analysis), pp. 54-148. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. [In Russian]

15. Solovyev V. S. 1991. "F. I. Tyutchev's poetry". In: *Philosophy of Art and Literary Criticism*, pp. 465-483. Moscow. [In Russian]
16. Silman T. I. 1977. *Lyrics notes*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. [In Russian]
17. Tynyanov Yu. N. 1968. "Pushkin and Tyutchev". In: Vinogradov V. V. (ed.). *Pushkin and his Contemporaries*, pp. 166-191. Moscow: Nauka. [In Russian]
18. Tynyanov Yu. N. 1977. "Tyutchev and Heine". In: Kaverin V. A., Myasnikov A. S. (eds.). *Poetics. History of Literature. Movie*, pp. 29-37. Moscow: Nauka. [In Russian]
19. Usok I. E. 1964. "The hero of Lermontov's lyrics". In: *Creativity M. Yu. Lermontov: 150 Years from the Day of Birth (1814-1964)*, pp. 202-235. Moscow: Nauka. [In Russian]
20. Shcherba L. 1957. "Experiments of linguistic interpretation of poems. II. "Pine" by Lermontov in comparison with its German prototype". In: *Selected Works on the Russian Language*, pp. 97-109. Moscow: Gosudarstvennoye uchebno-pedagogicheskoye izdatelstvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR. [In Russian]
21. Rozhdestvenskaya M. V. (ed.). *Descent of the Virgin into Hell*. Accessed 5 May 2019. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4930>. [In Russian]
22. Etkind E. G. 1963. *Poetry and Translation*. Moscow, Leningrad: Sovetskiy pisatel'. [In Russian]